

Александр Алексеевич Богданов

Акриды

Александр Богданов

Акриды

«Public Domain»

1913

Богданов А. А.

Акриды / А. А. Богданов — «Public Domain», 1913

«У же давно в стенах бурсы велась ожесточенная война между начальством и учащимися. Противники, как две вражеских армии, подмечали слабые места друг друга, хитрили, выслеживали, мстили. Менялись инструкции, люди и нравы. Самое здание духовной семинарии, похожее на казарму или монастырскую гостиницу, было перестроено, но одно оставалось неизменным: та сущность, из-за чего велась война. И как раньше искали в спальнях под подушками сочинения Белинского и Гоголя, так двадцать или пятьдесят лет спустя искали Льва Толстого, Флеровского, Писарева, Чернышевского или последнюю книжку современного журнала...»

© Богданов А. А., 1913

© Public Domain, 1913

Александр Алексеевич Богданов

Акриды

У же давно в стенах бурсы велась ожесточенная война между начальством и учащимися. Противники, как две вражеских армии, подмечали слабые места друг друга, хитрили, выслеживали, мстили. Менялись инструкции, люди и нравы. Самое здание духовной семинарии, похожее на казарму или монастырскую гостиницу, было перестроено, но одно оставалось неизменным: та сущность, из-за чего велась война. И как раньше искали в спальнях под подушками сочинения Белинского и Гоголя, так двадцать или пятьдесят лет спустя искали Льва Толстого, Флеровского, Писарева, Чернышевского или последнюю книжку современного журнала.

В бурсе были свои герои и свои гонители. О них из поколения в поколение передавались предания. Но такого гонителя, как Нил Павлович Венценосцев, летописи бурсы еще не знали.

Венценосцев получил кличку «Мымра» за то, что говорил о себе всегда во множественном числе и при этом издавал странные нечленораздельные звуки: мг-гм. Он был без надобности зол, мелко придирчив и мстителен. Стоило кому-либо из воспитанников выделиться умом, талантом, развитием, как Мымра приходил в помрачительное иступление. И самая жестокость в нем была напоена утонченным сладострастием. Часто среди ночи он являлся с внезапной проверкой в спальню, делая это в качестве добровольца даже во время дежурства других надзирателей, производил обыски, шпионил, подавал на выслеживаемых жалобы в педагогический совет и одновременно посылал доносы архиерею на семинарское начальство и распушенность бурсаков.

Как-то во второй половине учебного года он вызвал в инспекторскую кончающего курс бурсака Флоренсова для «приватных», как он выражался, объяснений. Он любил такие объяснения и по целым часам терзал ими семинаристов.

– Флоренсов!.. Когда же мы исправимся?.. – захоркал он острым, неприятным тенорком. – Что мы скажем на это?.. А?.. Мг-гм. Мы вольтерьянец, мы чума в стенах учебного заведения... Мы заражаем всех остальных воспитанников! Нам не дадут аттестата об окончании! Слышите, не дадут!.. Даю в том честное венценосцевское слово... Мг-гм.

Флоренсов смотрел косым подавленным взглядом мимо Венценосцева, в угол, где около стола сидел, уткнувшись в классный журнал, другой надзиратель. Только присутствие постороннего свидетеля удерживало его от резкого ответа.

Он хорошо знал о настоящих причинах преследования. Недавно при обыске Венценосцев нашел у него карикатуру. В ней среди прочего начальства был изображен и Мымра в виде поднявшегося на задние ноги ящур с маленькой головкой, с водянистыми гадкими глазами и с жидкими прядями мочальных волос, зализанных на висках. Под карикатурой стояла надпись: «Пресмыкающееся Криволукской семинарии».

Мымра не представил карикатуру по начальству, но с тех пор начались упорные и жестокие преследования Флоренсова.

– Что же такое я сделал? – твердо отчеканивая слова, с вызовом спросил Флоренсов.

– Мы еще спрашиваем, что мы сделали? Ах, Флоренсов, Флоренсов!.. Значит, мы – еще и нераскаянны?.. Ступайте, Флоренсов!.. Больше ничего не нужно... Мг-гм.

И когда Флоренсов повернул к нему спину в казинетовом засаленном пиджаке, Мымра крикнул вслед скопческим прыгающим голосом:

– Флоренсов, подождите!.. Ваша матушка состоит просфорней в селе Покровской Арчаде?

– Да, состоит... При чем тут моя мать?

– Мы не можем... Мы должны предупредить вашу матушку о готовящемся для нее ударе. Слышите? Теперь ступайте... Больше не нужно... Мг-гм.;

С ненавистью к Мымре и ко всему начальству Флоренсов возвратился в класс. Товарищи окружили его с расспросами.

– Ну что?.. Зачем Мымра требовал?..

– Для вразумления... Предупредил, что сообщит обо мне матери...

– Дело каюк!.. – мрачно заметил семинарский поэт Вася Кедров, или иначе – Феб.

– Что же, братцы, воевать так воевать! Не уступать же товарища на съедение гадаринским свиньям, – предложил архиерейский певчий Леонов, прозванный «Баламутом» за то, что он своим басом покрывал весь хор в любимой семинарской песне «Баламут».

На следующий месяц Флоренсов получил четверку в поведении за пропуск великопостной службы. Потом тройку за самовольную отлучку из бурсы.

Такие отлучки участились среди бурсаков. Весна пролетала над землей с веселыми зорями, душистыми ночами и пением птиц. В казарменных семинарских стенах становилось особенно душно и тоскливо. По вечерам открывались окна во двор, где молодые тополи с трепещущими серебристыми листьями казались девушками в белых уборах. В сквозных пролетах среди деревьев дымчато стлались сизые лунные тени. А за двором, в инспекторском саду, было завлекательно тихо. Сирень соблазнительно покачивала лиловые набухшие гроздья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.